

ДИАЛОГ С МИРОМ, ИЛИ ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ

И.В. Морозов
Минск, Беларусь

Мир человека есть совокупность мест, которые имеют самую различную семантическую и символическую значимость и иерархию. Благодаря этому человек искони выстраивает когнитивную карту своего мира и тем осуществляет с ним диалог в диахронном и синхронном экзистенциальном измерении. Концепт достойного, благодатного места преисполняет практически все религиозные системы. Современное состояние культуры также прослеживается по самобытному отношению к феномену места и дает возможность охарактеризовать содержание диалога человека-в-мире.

Ключевые слова: *Диалог, человек, мир, религия, цивилизация, феномен места, экзистенциальное пространство.*

*«...И воззвал Господь Бог к Адаму
и сказал ему: где ты?»*

Бытие 3,9

Чувство душевного равновесия, удовлетворенности, спокойствия, благополучия можно свести к широко толкуемому акту ориентации. Для человека это означает последовательное раздвижение сферы потенциального опредмечивания мира: он находит всему свое место, как будто расставляя вещи в пустующей квартире. Более того, обнаруживает: он сам «есть место в мире», что наделяет любое человеческое существование особостью. А само пространство превращается в сферу местоопределяющего творчества человека, в-местилище всего в-местимого. Благодаря этому поистине космогоническому акту зародилась «таинственная топография» понимания человеком себя в

мире, понимания того, как вообще может состояться человек. Так сотворилось экзистенциальное, обжитое пространство, ойкумена, которая получает свое существо от Мест и развертывается под влиянием Мест [1, с. 315].

Ее первые контуры человек закладывал в «когнитивные карты», образно-метафорические взаимосвязки Мест, позволяющие ориентироваться и принимать осознанные решения. Потому как мысль о присутствии человека всегда подводит к теме пребывания человека, где слышится селение, оседлость, жилье, место обитания, где появляется «человек-на-месте». Лишь он, сознавая свое «здесь-бытие» (М. Хайдеггер), подвигает означение, сакрализацию Места, ибо сугубо посредством его мы обретаем способность быть «мерой всех вещей», становиться целью и результатом миропреобразующего творчества, культуры.

Семантическая и феноменологическая значимость Мест имеет внутреннюю иерархию – от простого к сложному, от обыденного к уникальному, от профанного к священному. Потому-то мир наш преисполнен богатейшей палитрой всевозможных Мест: знакомых, знаменитых (памятных, выгодных, удобных, привлекательных, отталкивающих, страшных, ужасных, прекрасных и т.д.), любимых, родных и, наконец, святых. В конкретном мироустройстве эта экзистенциальная и символическая иерархия Мест также имеет достаточно логическое строение в контексте «жизненного порыва» (А. Бергсон), восхождении от естественного и случайного к одухотворенному, обязательному, необходимому и культовому. То есть к сугубо человеческому и даже, благодаря его же духовности, к божественному.

Не зря же ветхозаветный Господь под конец-венец Творения создал рай, привлекательное местечко, где его можно было застать «ходящего в раю во время прохлады дня» и где он раз-местил первопару человеческую. Потом, правда,

он отказался от этой со-в-местности, но не по причине гнева своего – он испытал и доверил людям творить свой мир, создавать и наполнять содержанием свои собственные Места.

А испытание сие было незамысловатым, но принципиальным: называть все вещи своими именами. Конечно, в соответствии с их свойствами и предназначением. То есть определить всему свое Место в общей со-в-местности. С тех ювенальных допотопных пор человек принимает имя Места как дар. И не будь человек постоянным приемником этого дара, он не был бы Человеком [1, с. 398].

Поскольку все наши действия фактически осмыслены в отношении конкретных Мест и соотносятся с их характером, то и словесно-понятийный язык выражает эту специфику человеческого бытия: мы признаем существование чего-либо, говоря, что оно имеет Место, то есть уже способно быть, имеет для этого пространственно-временное в-местилище как событийность. (Очень проникновенно славянские языки восприняли греческое *Местос*, *наполнение* со значением ‘содержание, смысл, предназначение’, а не только как некое формально-пространственное образование).

И все эпитеты и характеристики наших Мест аналогичны тем, что мы даем людям как событиям. Ведь искони мы анимируем их, «вкладываем душу», что и обуславливает наше с ними общение как с подобными себе. Диалог человека с миром исходит из поименования мест-людей, имеющих Место быть, и в бытийствующих, имея Место в памяти, наяву, мечтаниях.

И общение это носит феноменальный характер, ибо включает в себя все способы такого общения (вербальный и невербальный), а также посредством наполнения содержанием Мест, которыми они обладают, которые проклинаят или берегут, ненавидят или возносят, говорят: покажи свое Место, и я скажу, кто ты. А также: какова твоя культура, эпоха, личностная самость и какое место они

занимают в творческом и явно бессмысленном вселенском континууме? Даже что у тебя на уме и каковы твои устремления?

Повстречав первых будущих учеников своих, Христос обратился к ним: «Что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, – что значит: учитель, – где живешь? Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет...». После этого один из них, Андрей признался брату своему Симону: «Мы нашли Мессию» [Ин. 1. 38–41].

Свое Место не могли показать и обустроить Адам и Ева. Рай, в конце концов, увиделся им сытным и симпатичным вольером, а не вольным простиранием для творчества и самопознания, для трепетного и вдохновенного местомиротворения и удовлетворенного местоимения. И не суть важно, дворец ли современный или тотем, обозначенный россыпью камней, олигархический коттедж или отшельническая землянка. Ибо она «...никак не может принадлежать никому другому и настолько моя, что я здесь, в конце концов, приму от врага смертельную рану, ибо кровь моя впитается в родную землю и не исчезнет» (Ф. Кафка. «Нора»).

Так что можно понять удовлетворение Адама, нашедшего укромное Место, где даже Господь его не увидел. Или понимающе не захотел.

Глубокое несчастье и неустроенность человека, перманентно ищущего свое место под солнцем в столь же перманентно изменяющемся мире, источает всякая религиозная картина мира. Всякая монотеистическая религия преисполнена обещаниями высвобождения всех верноподданных от реальных жизненных тягот и обретения некоего блаженного Места.

Так, иудаизм догматично отстаивает образ «земли обетованной» и предустановленный талмудический порядок, где всему уже отведено окончательное Место: «Ничто не уничтожается в мире, ничто не делается добычей пустоты, ни

даже слова и голос человека, все имеет свое место и свое назначение («Книга Зохар»).

Весь внутренний трагизм Христа – в его неустроенности, бездомности, что он сам и признавал: «Лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8.20). (То, что он показывал своим «новобранцам» можно назвать съемным жильем). В этом и его не-у-местность, отчего и услышал единогласный приговор толпы на Голгофе при полном отсутствии своих немногих учеником. Им же он разве что обещал при прощании: «Я иду приготовить место вам...» (Ин. 14.2).

В этом истоки, достояние, можно сказать, архетипическая обусловленность религиозных верований, поскольку они основаны на томлении духа по достойному Месту человека-в-мире и взалкании счастья быть на своем Месте: в просторе, во времени, в социуме.

Этот конфликт небывало обострился в нашу индустриальную эпоху с ее тотальными и зачастую стихийными перемещениями. Динамика современного мира с его почти мгновенными скоростями искажает картину мира, выстроенную на последовательном вращении Места в Место. Отсюда «переселенческая тоска», что болезненно переживают многие даже образованные и состоятельные люди, решившиеся на смену местожительства. Еще полвека назад было отмечено, что иммигранты, вне зависимости от своей устроенности на новом местопребывании, испытывают усиливающееся чувство «психологического прибытия»: чужеродности и несовместимости с новым окружением, Оно отличается возрастающей тревогой и депрессией, замкнутостью, враждебностью и подозрительность к окружению. Некоторые относительно приспосабливаются к новому окружению, привыкают. Но иные страдают более сильными нарушениями: тяжелыми душевными аномалиями и разрывом с реальностью [2]. Как знать, не является ли современная

пандемия детского аутизма мутационными изменениями нашей психики, потрясенной «страстью к перемене мест» (А. Пушкин), разрывом с Домом, наиболее сакральным Местом человеческой самости?

В мире, в котором все было «на своем месте», и Дом тысячелетия служил надежной экзистенциальной опорой, вихрь урбанистического и глобализационного урагана сносит его безжалостным и безразличным образом. И реальность удручает: дом не смог сдержать напор, легко сорвавший человека с насиженного места [2, с. 106]. Вот и «крыша поехала».

Заметим, что это было обнаружено задолго до оптимистичной концепции мультикультурализма, которая на наших глазах дает свидетельство значительной стойкости и глубины деструктивных переживаний культурного смещения. Причем, и те люди, на места которых столь резко покусились эмигранты, судя по всему, переживают подобные чувства и душевные трансформации, связанные с естественной проблемой культурной не-со-в-местности и отсутствием в этой связи нормально диалога. Не считаем же мы не-со-вместимость органов живых организмов явлением ненормальным?

Кардинальное и поспешное перемещение изменяет людей, словно они теряют почву под ногами, их вырывают вместе с корнями, точнее, без них, ибо они остаются в родной культурной почве. Подобный разрыв приводит к утрате «чувства причастности» (Э Тоффлер). Тогда невольно приходит иное чувство – обескураживающего полета, точнее, падения в неизвестность:

*«То, куда мы спешим,
этот ад или райское место,
или попросту мрак,
темнота, это все неизвестно...»*
(И. Бродский)

Более того в современной буче мы все больше погружаемся в сферу имитаций и виртуальностей. Забавные аттракционы, которые чреваты утратой чувства Места, – это то, что дает возможность благодатно преобразовывать мир и себя в нем. Лишение же этой возможности – принципиальная несвобода. А она диалектично парадоксальна, поскольку ограничение свободы принимает альтернативные формы. Одна из них – закрепощенность на Месте. Другая же – изгойство с Места. Говоря современным языком, это – ситуация синергетическая, ибо, на первый взгляд, совмещает одновременно феномены несовместимые: бытие как сталость и становление как движение, местославие и местоборчество. В любом случае, это есть работа духа. Ибо дух есть при-самом-себе-бытие, и именно это есть свобода (Г. Гегель). То есть дух «знает» свое Место как «царство небесное, что внутри нас есть», но поэтому и не отрицает и подобных «царств», что имеют право и свободу на Местоимение.

Благодаря этому и сегодня в «смутное время» кардинальных перемен пишется картина мира: словами, жестами, мазками, штрихами, линиями, пятнами, камнем, деревом, металлом, а теперь еще и «цифрой». Пишется, отыскивая и задавая Места всему-всякому, порождая небывалые Местоимения на полотне культурогенеза. И полотно это соткано, связано воедино некими смыслами нашего бытия-творчества, бесконечным полицветным все-вмещающим текстом (от лат. *textus* ‘ткань, соединение’). Примеряя всякий раз этот уникальный «текстиль» к себе здесь-и-сейчас, мы взбадриваем себя уверенностью, что продолжаем это плетение мирового диалога, одновременно спрашивая себя: «То ли плетем, не заблудились ли в исканиях, на своем ли мы Месте?»

Так решается насущная дилемма «иметь или быть» (Э. Фромм), поскольку, только имея Место, можно бытийствовать, а всякая со-бытийность требует Места. Нам

еще предстоит гармонизировать две этих экзистенциальных реалии, то есть повторить творческий подвиг человека мифопоэтической эпохи с по-все-местной одухотворенностью в свободном диалоге с мирозданием.

Тогда даже в чувстве одиночества мы не оказываемся изгоями, но окунаемся в интимность со-в-местности с самим собой, «ведь всегда один на один – это получается, в конце концов, два» (Ф. Ницше). Дальше – больше: мы способны обратиться ко всему имеющему Место быть, предварительно наделив его подобающим именем. И, приняв от нас имя, всякое небесное светило обретает Место. «И звезда с звездой говорит». Значит это кому-то надо. Нам же ныне попросту необходимо. Ведь тогда начинают говорить не только звезды, но и «простые» люди, всякие твари Божьи. Мир становится все-вмещаемым, многоликогласым, приветливо дискурсивным, истинно человеческим, реально божественным.

Если бог все ж таки не умер, несмотря на утверждение Ф. Ницше, то хорошенько спрятался, наблюдая, как мы справляемся с диалектикой местотворчества. Так что теперь уже мы вправе спрашивать: «Господь, где ты?» И мы ищем его в «темной материи-энергии», словно в девственных кущах Рая. И находим в «частицах Бога», «бозонах Хиггса», которые, оказывается, тоже имеют Место быть, не мешая быть и другим, еще неведомым. И приняв нашу Землю за всечеловеческое Место, отчаянно пытаемся не сорваться с него, а также навести диалог с другими мирами. Дабы определить-таки какое уж ни есть, но свое Место в мироздании. Правда, для этого надо убежденно и последовательно становиться «Genius loci», добрым гением сугубо своего Места. Дабы не искать в межзвездье другого «островка безопасности», якобы спасительного, но безответного «чувства причастности». И подспудно чувствуя это, мы все более заботимся о сохранности Мест, как о некоей зодческой летописи, что сложили, созиждали наши пращуры и

ближайшие предки. Поскольку «...она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания, и когда уже ничто не говорит о погибшем народе. Пусть же она, хоть отрывками, является среди наших городов в таком виде, в каком она была при отжившем уже народе, чтобы при взгляде на нее осенила нас мысль о минувшей его жизни и погрузила бы нас в его быт, в его привычки и степень понимания и вызвала бы у нас благодарность за его существование, бывшее ступенью нашего собственного возвышения» (Н. Гоголь).

И все потому, что при начале диалога с иномирными на слово они нам не поверят, но напрямую спросят: «Где живете?»

Библиографические ссылки

1. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М. : Республика, 1993. 640 с.
2. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.